

ОСНОВНЫЕ УРОКИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

О.В. Зарубина

Выяснение сущности юридической ответственности, как сложного, многогранного явления невозможно без обращения к его методологической основе, заложенной в философии права. Здесь имеется первоначальное разделение на два основополагающих направления. Едва ли кто станет оспаривать, что глубочайшей межой, разделяющей одно направление от другого, является отношение к Богу.

Почти до 19 века философия в России, как элемент культуры, была по существу идентична религии, теологии и концентрировалась вокруг той основной ценности или принципа, каким являлся Бог. "Все важные разделы средневековой культуры выражали этот фундаментальный принцип как он формулировался в православном Символе веры" [4, с. 73]. Этика и право представляли собой только дальнейшую разработку абсолютных заповедей христианства. Политическая организация в ее духовной и светской сферах, семья, литература, живопись, музыка, и даже экономика, - все высшей своей ценностью имело Бога [4, с. 72-73]. Центром всей культуры в России был Бог".

Русская философия права, возникшая на благодатной почве господствующего православного мировоззрения, развивалась под влиянием философии, сформировавшейся уже в то время в Западной Европе и имеющей иную чем в России основу. В результате русская философия права оказалась представленной двумя направлениями: славянофильское и западническое.

Мировоззренческим основанием воспитания было церковное вероучение, основывающееся на Божественном откровении. Бог управляет вселенной, он управляет жизнью человека во всей ее подробности. Закон такого управления мы можем прочесть в природе общественной и частной жизни человека, в Священном писании.

"Закон Божий есть высший религиозно- нравственный образец, посильное воплощение которого в несовершенную земную жизнь является смыслом и оправданием всего нашего бытия" [5, с. 75].

Сам Бог, согласно догматам православной церкви - вездесущий, всемогущий, всеведущий, абсолютно справедливый, прекрасный Создатель мира и человека - бесконечный, сверхчувственный, сверхразумный [4, с. 502].

"Кто хочет идти за мной, отвергнись себя и возьми крест свой. Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит" Мр. [8, с. 34-36] - повторяет церковь слова Христа, отрицая самоценность во зле лежащего и пагубную самовлюбленность поврежденного грехом человеческого естества [5, с. 75].

Европейская философия, различная по форме, имела одну общую основную мысль, составляющую сущность пантеизма, которая заключалась в следующем. В основе разнообразия этого мира и его отдельных явлений лежит нечто общее, которое и составляет единство мира, это общее - есть Бог. Это не сознательный и личный Бог, это есть лишь всеобщая жизнь, живущая во всем, или разум во всех вещах. Этот Бог не существует самостоятельно сам по себе. Он есть только в мире, мир есть его действительность и он только его истина. Бог не сознает сам себя, только мы знаем о нем. Человек, мысля и зная Бога, измышляет и познает для себя самого Бога, в этом - то и заключается Бог. Бог есть истина человека, а человек есть действительность Бога. Таким образом в конце концов Богом делается человек.

Пантеизм уже существовал в дохристианское время. Он лежит в основе языческих религий. В христианском мире наиболее влиятельными его представителями являются Спино-

за, Шеллинг, Гегель, Фихте - идеи которых были популярны в России 19 века и имели широкое хождение.

Прямым следствием пантеизма является атеизм и материализм [2, с. 70-73].

Русская философия права имеет как бы два корня: православные догматы и европейскую философию различных направлений. При этом следует заметить, что многие из ее представителей, увлекшись философскими представлениями, чуждыми по духу их православному восприятию, решительно меняют свои взгляды и в своих работах представляются сторонниками тех или иных европейских философов. Но бескорыстные и бескомпромиссные поиски путей познания истины, исследование вопроса о свободе человека, смысле жизни, соотношений закона и благодати, места и роли государства и права в домостроительстве [14] решительно возвращают их туда, откуда они пришли, в лоно Святой православной церкви не только по жизни, но и в творчестве. Это в полной мере относится к таким философам как В.С. Соловьев, Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, Е.Н. Трубецкой, Е.В. Спекторский, Н.Н. Алексеев, Н.О. Лосский и др. Свидетельства об этом в своих воспоминаниях оставили они сами. Так Б.Н. Чичерин пишет в своих воспоминаниях, что поступление в университет принесло с собой религиозный кризис. Он оставил православие. "Скоро от моей младенческой веры не осталось ничего," - и далее через многие годы в момент смертельной опасности - он пишет: "Мне показалось непонятным, каким образом в течение 15 лет оставаться без всякой религии и я обратился к ней с большим убеждением, что все предшествующее развитие моей мысли готовило меня к этому повороту" [3, 157]. "Я понял, что всякая религия служит живой связи между человеком и божеством. И во мне возгорелось страстное желание приобщиться христианству. И я после многолетнего перерыва исповедовался и причастился" [3, 149-157]. Под влиянием личных переживаний Б.Н. Чичерин совершенно отбрасывает одну из коренных идей Гегеля "о становящемся абсолюте" [3, с. 157].

В.С. Соловьев (1853 - 1900 гг.) вырос в семье знаменитого историка, профессора Московского университета С.М. Соловьева. Многочисленная семья жила дружной жизнью. В ней царил суровая и набожная атмосфера. В гимназические годы от детской религиозности он перешел к атеизму. В 16 лет Соловьев познакомился со Спинозой, который стал его первой "философской любовью". Естественный, затем историко-филологический факультет Московского университета, Московская Духовная Академия, кандидатское сочинение, магистерская диссертация. Экспедиция в Лондон и Египет. В.С. Соловьев становится пламенным последователем христианского учения. В 1900 году он умирает, исповедовавшись и причастившись по православному обычаю [3, с. 7-20].

Оценивая творческое наследие В.С. Соловьева, В.В. Зеньковский в высказываниях В.С. Соловьева видит совершенно определенные указания на то, что философия является функцией религиозной сферы, которую она обслуживает, ибо оттуда философия получает свои задания. "Философия может и должна обладать относительной самостоятельностью, но только для того, чтобы вместе с наукой обратить все свои средства для достижения общей верховной цели познания определяемой теологией" [3, с. 151]. Это подлинный поворот философии к сокровищницам веры, но еще не настоящая, органическая, изнутри растущая система философии христианства.

Подобный путь жизненных и творческих поисков проходят П.И. Новгородцев, Е.Н. Трубецкой, Н.О. Лосский и др. В своей статье П.И. Новгородцев пишет: "самые воодушевленные западники, в конце концов, сами того не зная превратились в славянофилов. Углубляясь в изучение жизни своего собственного народа и подходя ближе к европейской культуре, они нередко убеждались, что слишком поспешно отрицали самобытные пути России, и что Запад не является единственным и безусловным образцом всякого развития культуры" [8, с. 218].

Обоснованным является вывод П.И. Новгородцева, сделанный в результате анализа различных направлений русской философии права о том, что "все направления русской мысли, - даже если они подражают западноевропейским образцам - несут в себе черты родной

почвы" [8, с. 211]. Можно согласиться и с тем его утверждением, что русская философия права противопоставила себя классической западноевропейской философии права, сформировавшейся в 17 - 19 веках и сформулированной Руссо, Монтескье, Кантом, Гегелем. Не внешние формы государства и права и их обожествление, а "церковь воплощает с величайшей глубиной и полнотой истинную цель истории и культуры" [8, с. 218]. Свежими в начале века и актуальными сегодня являются следующие наблюдения: "Над всеми этими нормами и законами возвышается еще выше трансцендентный закон, как норма, соответственно которой должна строиться и перестраиваться вся общественная жизнь, - об этом в названных классических трудах не говорится" [8, с. 218].

Многие русские философы, следуя за своими западными учителями, пытались придать государству и праву значение большее, чем вспомогательное в процессе общественного развития, но не могли преодолеть в своих исканиях границы, очерченные для государства и права, в том домостроительстве, где все подчинялось высшему смыслу жизни каждого человека, высшей норме всех жизненных отношений, закону Божию, закону Любви. Закон Божий, как высшая норма жизни, определяет и государственное строительство. Именно из него право и государство должны черпать свой дух и свою силу.

Государство и право слишком слабы для того, чтобы самостоятельно решать задачу преобразования жизни в силу слабости и противоречивости источника (человек, общество). Они играют вспомогательную роль в преобразовании жизни человека и его обновлении [8, с. 216]. Эту роль они не способны выполнить противопоставляя себя нравственному закону, возвышаясь над ним и тем лишая себя благодати.

Не случайно, что в качестве главной проблемы русской философии права выступала проблема соотношения права и нравственности, проблема соотношения закона и добра. Русская мысль явно стремилась вернуться к древней традиции благодати, о которой говорил митрополит Илларион, пытаясь найти форму государства и права, воплощающей в жизнь начало бытия, понятого как бытия свободы и абсолютного добра. "Если бы эту задачу удалось решить, Россия была бы спасена от многих бед, которые ждали ее" [9, с. 17].

19 век - век всеобщего увлечения западными учениями в науке, пантеизмом в мировоззрении. Несмотря на все большее проникновение в русскую философию права идей, отвергающих суть русского духа в его понимании жизни и истории права и государства, самодержавия, дух богопочитания, превозношение Закона Божьего над всеми остается, преобладающим, животворящим.

Русская юридическая наука, руководимая основами русского духа в философии права, подготовила почву для создания такого законодательства, равного которому в 19 веке не было в мире. Оно оказалось способным выполнять главное свое предназначение: возвращать человека с порочного, преступного пути на путь добропорядочности, обращать человека к высшей ценности - к Богу. Архимандрит Спиридон, проповедник и миссионер, духовно окормляющий сибирскую каторгу, замечает в своих воспоминаниях: "Нужно сознаться, что этот преступный мир, по моему личному опыту, вынесенному из моей тюремной практики, далеко идеальнее, нравственнее и даже религиознее, чем мы, свободные граждане свободного мира. Через мои руки прошло около 25 тысяч, которых я не раз исповедовал, причащал, убеждал проповедями своими изменить жизнь, быть верными сыновьями Евангелия" [13, с. 55].

Советская юридическая наука, была поставлена в условия, которые пресекали возможность преемственности отечественных традиций, вынуждена была принять чуждую методологическую основу. Но встав на позиции материализма она не смогла найти ответы на многие теоретические вопросы, которые должны были стать инструментом создания системы законодательства.

Отечественная история красноречиво показывает каких "успехов" безблагодатные государство и право достигают в разрушении личности, семьи, общества.

Убедительным представляется вывод А.И. Осипова, который он делает обозревая историю философии в своей книге. Преодолевая все препятствия метода искания истины философия права исторически приходит к "постулированию абсолюта Бога, и необходимости принятия религиозного "метода" его постижения" [10, с. 151-154].

Правовая система не смогла решить поставленные перед ней практические задачи, о чем свидетельствует, в частности, разгул преступности. "Просмотрев большую часть материалов известных уголовных процессов 19 начала 20 века, мы не обнаружили ни одного преступления, от которого волосы вставали бы дыбом и стыла бы кровь у нашего современника... в 19 веке довольно трудно отыскать более зверские и немислимые преступления, чем те, которые совершены нашими современниками" [12, с. 19]. В Советском Союзе основным регулятором общественной жизни была принудительная сила государства.

Идеи правового государства стали одним из главных ориентиров для всего процесса преодоления, сложившегося в стране тоталитаризма и осуществления радикальных политических и экономических преобразований. Тот глубокий кризис, который охватил все без исключения сферы жизни государства и права, та безысходность, тот тупик в которые попало наше отечество доказывают несостоятельность человека и общества самостоятельно без помощи Бога решать насущные задачи нашего домостроительства.

Трудно согласиться с утверждением академика В.С. Нерсесянца о том, что "даже плохое право (в том числе и пока что реально складывающееся у нас типологически не развитое, добуржуазное право) лучше хорошего неправа (включая и по своему весьма развитые и эффективные средства тоталитарной регуляции)" [9, с. 397]. Неправо - это зло. Если не сегодня, то завтра плохое право по своим масштабам во много раз превзойдет неправо. Умноженное зло уже просматривается. Идея правового государства не вызывает рефлексии у населения. Плохое право сегодня породило правовой нигилизм. Официальных эффективных регуляторов межличностных, межсубъектных отношений нет. Нет единой морали. Преступность всякого рода растет.

Тот глубокий кризис, который охватил все без исключения сферы жизни государства и права, та безысходность, тот тупик в котором находится наше отечество сегодня, доказывают несостоятельность человека и общества без помощи Бога решать насущные задачи нашего домостроительства.

"Сильные земли! Услышьте наставления Господа, которое дано было праведным, премудрым, сильным земли: **Вещая закона - суд, милость и вера**. Отцы семейств! Духовные и гражданские начальники! Наставники народа! Услышьте наставления Господа: **Вещая закона - суд, милость и вера**. Услышьте это наставление и последуйте ему" - призывает православная церковь словами святителя Игнатия [15, с. 194-195]. Этот призыв остается актуальным и сегодня.

1. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность, М., 1976г.
2. Дьяченко Г. Духовный мир, М., 1900г., Репринтное издание, 1992г.
3. Зеньковский В.В. История русской философии, Ленинград "Эго", 1991г.
4. Закон Божий. Для семьи и школы. М., 1995.
5. Иоанн митрополит. Русь соборная. СПб., 1995г.
6. Краснов Ю.К. История государства и права России, М., 1997г.
7. Лосский Н.О. История русской философии, М., "Высшая школа", 1991г.
8. Лосский Н.О. Воспоминания. Вопросы философии. 1991г. N 12
9. Нерсесянц В.С. Философия права, М., 1997г.
10. Осипов А.И. Путь разума в поисках истины. М., 1997г.
11. Новгородцев П.И. О своеобразных элементах в русской философии права в кн. Русская философия и право. Антология. Из-во "Алетейя", СПб, 1997г.
12. Суд присяжных в России, Лен.издат., 1991г.
13. Спиридон. Архимандрит. Из виденного и пережитого. Воспоминания проповедника и миссионера из Сибири. Рига, 1993г.
14. Этот термин используем в широком смысле, где дом - это планета, дом - это государство, дом - это семья, дом - это душа и тело человека, дом - это церковь. Между планетой, государством, семьей человеком и цер-

ковью существует связь и всему определено свое место и свои функции. И все подчинено одной цели - спасение душ человеческих для жизни вечной.

15. Святитель Игнатий Брянчанинов. Аскетическая проповедь. Московское подворье Свято-Успенского, Псково-Печерского монастыря. Из-во "Правило веры". 1995г.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АРЕНДЕ ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М.Н. Суровцова

В новом гражданском законодательстве аренде зданий и сооружений уделяется особое внимание (§ 4 гл. 34 ГК, ст. 39 Закона РФ "Об образовании", а также другие правовые акты). По сравнению с ранее действовавшим законодательством регламентация отношений по аренде этих объектов более детальная, нормативные предписания, как правило, достаточно четкие.

Вместе с тем практика применения названных норм позволяет выявить ряд несовершенств нового закона. Они выражаются, во-первых, в отсутствии исходных понятий здания и сооружения. Данная проблема выявилась при оформлении искового заявления ТППУ к ООО "Ассорт" о признании недействительными договоров аренды части здания по ул. Герцена, 47. Специфика этого дела заключалась в том, что одна сделка по сдаче части здания в аренду была оформлена четырьмя договорами. Все договоры датированы одним и тем же числом - 1.03.96 года, заключены одними и теми же субъектами. Это стало возможным ввиду несовершенства ч.1 ст. 650 ГК, которая предусматривает возможность сдачи в аренду только здания или сооружения, но не их части [1]. В учебной литературе возможность сдачи в аренду части здания или сооружения не оспаривается. Этой позиции ученых-цивилистов есть свое логическое объяснение.

В Гражданском кодексе 1964 г. было прямо закреплено как право личной собственности гражданина на жилой дом и его часть, так и возможность их купли-продажи. По смыслу некоторых норм действующего ГК РФ (ст. ст. 129, 130, 131) часть здания или сооружения может быть объектом как в абсолютных правоотношениях, так и в относительных. В связи с этим предлагаем изложить ч.1 ст. 650 ГК в следующей редакции: "По договору аренды здания или сооружения арендодатель обязуется передать во временное владение и пользование или во временное пользование арендатору здание или его часть, сооружение или его часть".

Это позволило бы, к тому же, устранить противоречие между ч.1 ст. 650 ГК и ч. 3 ст. 654 ГК. Оно заключается в том, что в соответствии с ч.1 ст. 650 ГК предметом договора аренды может быть здание или сооружение как единое целое, в соответствии же с ч. 3 ст. 654 ГК взимание арендной платы допускается, исходя "из фактического размера переданного арендатору здания или сооружения".

Легальное определение здания или сооружения желательно закрепить в отдельной статье Гражданского кодекса, например, в ст. 132¹ ГК. Аргументы в обоснование этого предложения следующие: во-первых, эти понятия заняли бы логическое место в подразделе третьем ГК "Объекты гражданских прав". Во-вторых, была бы соблюдена традиционная для отечественного законодательства последовательность: вначале ст. 132 ГК "Предприятие", затем следует ст. 132¹ ГК "Здания и сооружения". Информацию о здании и сооружении можно было бы расположить по модели ч.1 ст. 132 ГК: вначале понятие, а затем в части второй необходимо закрепить положение о том, что здание в целом или его часть могут быть объектом купли-продажи, залога, аренды и др. сделок, связанных с установлением, изменением и прекращением вещных прав.